

Согласно семантике индоариев города Ялта, Алушта и Алупка имеют единый корень АД, что на древнеиндийском означает «хаос». На Южном берегу Крыма такие скопления камней и называют Хаосом.

Тааль – это Та Аль, та Ялта, что по ту сторону хаоса, истории героев ялтинского зазеркалья.

ТААЛЬ

Когда б не город, белый августовский зной,
усевший обочинами дня порошей сушь
секунд, минут, след в след, час в час.
Когда б не город, мир бы тѣк не пылью
белой, жѣлтой, бурой, песчаником застывшей,
сотней лет, домами вросшей в быт,
слежавшейся холмами летний зной, не Леты, нет.
Мой белый, иссушѣнный, пылевой
и палевый в удушье знойных грѣз.
Но августовским днѣм твоим не в хаос
блеклых белѣм слепых расстриг,
иконами, проѣмами звонниц
как окнами да в неба облакить,
под звонами как в вертоград бойниц,
увитых гроздьями сентябрьских лоз,
мой белый город, вестник, светник
сего дня, ты вѣсть, твой благовѣст
исходом в гроздь их лоз,
Тааль, Грааль и вертоград, и песнь.

ПТИЧИЙ ПОЭТ

Тихо говорила родина
С птахой дрожью зари
В зарницах сердца.
Вдохнуть зарью ок,
Ритмом тих,
Стуком из неми стих.
Воля птаха
Дрожью сердца
Звуков перелив, –
Звукопись:
Стуком и слухом в такт
Дробью сердца.

Птичий язык
Не образ, не слог –
Звук и ритм –
Птичий поэт –
Любить дух птаха и рух
Дрожью сердца.

СОН СИМЕИЗ¹. СТАРИК И ДЕВОЧКА

Поитель слов, он их низал
как чётки, он читал, считал
не звуки, расстояние до ля,
до девочки, увидевшей до си
сирень, вбежавшую не веткой,
птицей – в зеркало из дня,
ей распахнулся куст
и в перспективе нот
старик увидел девочку,
ей пела птица и сирень
им распахнула сны и сердце,
им триоли на троих, на всех.
Старик читал их миг, поил их слог,
поил словами птиц.
Он пел для девочки,
глухой, считал до си сирень.
Сано чара смотрела сны
и пела девочке, поила песнью
старика и Симеиз.

¹ Sima-ij – соколиный жертвенник (из *Этимологического словаря «причерноморского» индоарийского языкового реликта О. Трубачева*).

ДЕВОЧКЕ

*На туманенном стекле
Заветный вензель, О да Е.
А.С. Пушкин*

Вошла ты старинной ижицей,
Взгляд мой ахнул: О, Ю!
О чём-то шептали книжицы,
Рюмили Питером дню.
Зяблика звук ли чудится,
Там за окном рю-рю-рю.
Вензелем ижицы чертан ли
Звук за окном: люблю?
В сад малой птицей, рюмится
Каплями дождь, речист
Песней, в мой мир ижицей,
Буквицей малой, птиц.

ПТИЧИЙ БОГ (ДЭВИ ЧАРА)

Ты путаешь местами времена
и место временем сквозит
сквозь птичьи путы,
из путаницы сада дерева
сбегают крылышка по-стрекозы.

О, девочка, пикада,
просто ци движения июля трелью
за макушкой лета.
Забота друга или ласка бога
по-птичьи он теряет не слова
меж ми и ре течёт река для слога.
Мисхор и Корениз¹
межтенью птичьих пут
межсенью трелью
лаской друга бога
и ци меж ре и ми
меж садом и рекой
играют птичьи боги
и птичьим росчерком
стрижами слоги.

¹ Kura-ij (др.-инд. *kingara* – морской орел, *ijja* – жертва) – орлиный жертвенник (из *Этимологического словаря «причерноморского» индоарийского языкового реликта* О. Трубачева).

НИЖНЯЯ ОРЕАНДА ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ПОД СЕНЬЮ

Так тихо любила, почти ждала,
И отдыхала на вздохе, когда он
Смотрел из зеркала двойником,
Не выходящим из ночи, таяли
В сумерках зеркала, утрело,
Он взглядывал из предместий сна,
Выходил из сплетений чинара,
Возвращался в его объятия, в них
Молодых, долгоживущих, он
Обретал осязание
Не тени, под сенью платана,
В тени, его руки едва касались
И из печали сна, из забвения
Сумерек она так долго вчувствовалась
В его руки, молодой чинар, однолюб,
Жил так долго, что она прожила бы
Под сенью ещё одну их жизнь.
Но однажды он позвал её всей силой
Молодого платана, и она тихо растаяла,
Была заключена в гроб и в склеп.
И отправилась однажды дорогами
В дрогах в лоно северной лавры
Не силой лавра, чинара, перенесли
Её южные земли током ли земац,
Корнями чинара, светом неугасимым
К северным тихим соснам.
Так любила его Анна, свет тихий,
Небо бесконечное его гения.

АНГЕЛЫ ХРАНЯТ НАМ МИР

И мир хранит любимых, близких и далёких,
Их ангелы на тропах близко-близко
Друг другу шепчут: берегите их.
По веточкам, по строчкам, в зеркалах
И облакитнописью знаки, фрески
Событий в облачных высоких куполах
Из запределья шёпотами, шорохами,
Высоты штрихами, стрижами падайте
И просто берегите всех своих
На перекрёстках войн, ваш дар
Им в благодар, им мир.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

О.Д.

Седеющей кипенью дня
над профилем Анны
скорбь, изливаясь в воск,
горчит можжевельем, длится
лицом, оттеняющим сонм
сопедших, старухой с гор,
миг неожиданно стих
утратой, легко клубится
прощенье летящих в сны
прощаньем до белизны
седеющей кипени дня
над профилем отчим.

МАССАНДРА¹

В ритмах ночи, сосредоточив
В паузах новогодье, в паузах
Таврских ящичков неомасонье,
Ты раскрыла объятья чёрному
Как ночь, но красного камня, мускату
Во дворе декабреющей переспелой
Хурмой, склеванной птицами Венеры
Амуровны, кисти Судейкина.
Дорогая, Массандра в неомансардном
Ракурсе, новогодьем пошли на убыль ночи,
Распутица в мыслях сфинксов дворца
Рыжими котами ластится,
Чёрные псы Поликура пробегают
Нечаянно, в паузах декабря, твой день
Вновь взлетает в нашей мансарде
Хурмой, золотом седьмого неба,
То ли в иссушь лета лозой Массандры,
То ли Львом Голицыным, ветром в чудо.
Я не слышу перепевов творца,
Зазеркалий, пихт, святилища кипарисов,
Я лечу с чёрными псами под сенью
Часовни Святителя Николая.

¹ Marsanda (*mar-siand-: sindu*) – люди большой реки (из *Этимологического словаря «причерноморского» индоарийского языкового реликта О. Трубочева*).

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

Я забыла не ночь, апостроф,
смягчающий чаянья, чаять,
сказала тебе, как чаевничать в одиночку,
но ты читала не апостола Иоанна, созерцая формы,
евангелие от Фомы, ты сказала,
смягчая нечаянный частный случай,
случается, дорогая, не польнью
схлынула стихия в реки, чабрецом
оттаяла, речью, златоустьем, не огорчая горечью уст.
Златоуст, чабрец твой, апостроф червлёной речи,
я знаю, дорогая, это безумное чаепитие,
отчаянно выпитую ночь
с Гекатой.

НОЧЬ С ГЕКАТОЙ

Ты пришла в сердце как в выдох
и заполнила вдохом близости
словно мы не расстались на год
а вечно двигались
в едином ритме со всеми твоими собаками
на перекрёстках, на обочинах в лунном танце
перетекали в вечность, пересекали
старинные поместья, усадьбы,
видели свадьбы живых и призраков,
теперь мы вместе,
твоя ночь близится,
встретимся на Поликуровском кладбище.

МЫС МАРТЬЯН ОКТЯБРЬ – ТАБОР ОК

О.А.

Мир полон Вашим Ци.
Ушли цикады,
Цинерарии цветы
Свет солнца рассекают
Синью неба.
Сквозь облакитность
Времени из ок прольётся
Смех как ци завета.
Здесь фути фа из неми
Полозов, из сини – си из ок,
Свидетель им мартын,
Завета ок и рук навек:
Мартьян. Октябрь –
Табор ок, кочующих
Порталами времён,
И смехом их легко – и в синь.

ПЛАЧ ПО ТОСКАРЯМ

За реченьями чаянья свитых
светом святых у раки́т бѣлым
пеплом посыпан мелом
меловодьем плач мой
бѣлым ли маком Макошь
остриги медвяные росы
косы степей и дроги
проводи в путах дорог
расстриг выведи за порог
уйдут они степью Мокошь
зайдут за чужие ряные межи,
оставь там в нежить
потерянных тоскарей
не век им, вех свитых раки́т
тех, что святы светом святых,
век чей острог
остриги путы дорог
молитвами святых уст
Сорокауст.

МОЛЧАЩИМ НЕБОМ, ПИЛИГРАМАМ, МИМО

Молчащим небом, пилигримам, мимо
Твой долгий путь вот в это пилигримье,
прощают зазывалы зов дорог, уже кричат
насмешники, им коробей лыко не в строку
строчат хитоны из крапивы, им
советники пределов света,
застрельщики, стрекальщики,
стрекозы, стрекала спрятали в забрало слов,
забрали все слова в замес,
и немью пилигримам намешали,
не мешкая, пергаменты, per ager – немь небес.
Молчащим небом, пилигримам, мимо